

Наталья Беляева

**Время как сила: субъективная
хронология человека**

Наталья Беляева

Время как сила: субъективная хронология человека

<https://litres.ru/74118641>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вам кажется, что год пролетел за неделю, а вчерашний день тянулся как месяц? Знакомый человек кажется другом детства, а будущее пугает вечной нехваткой времени? Добро пожаловать в 2026 год, где наша психика сломалась о тиранию линейного времени.

В новом эссе «Время как сила» автор разбирается, почему механические часы когда-то украли у человека жизнь, и как с текучестью бытия справлялись те, кто не знал, что такое «тайм-менеджмент». Как древние викинги, герои саг, рыцари Круглого стола и персонажи Набокова обманывали смерть и растягивали мгновения? И главное — как современному человеку, не уезжая в ретрит и не меняя жизнь, научиться не просто «убивать время», а «приголубить» его? Текст для всех, кто хоть раз ловил себя на мысли: «Куда оно уходит?».

Содержание

Начало	4
Часть первая. Там, где время было урожаем	8
Часть вторая. Язык, который помнит	11
Часть третья. Как они считали время	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Наталья Беляева

Время как сила: субъективная хронология человека

Начало

Почему в эпоху смартфонов и нейросетей время кажется нам то бесконечно долгим, то исчезающе быстрым? Мы привыкли считать время объективной физической величиной, неумолимой стрелой, летящей из прошлого в будущее. Но что, если время — это не фон, а активная сила, которая деформирует нашу память, сознание и саму ткань повседневности? Опираясь на идеи Арона Гуревича, Михаила Бахтина и наблюдения за древнескандинавской культурой, автор исследует, как человечество пыталось договориться с хронологией. От аграрных циклов, где время было «урожаем», до эластичного времени рыцарских романов и санаторных замедлений «Волшебной горы» Томаса Манна — текст показывает, что линейное время с его тиранией секундной стрелки не единственно возможное. Это увлекательное путешествие по истории человеческого сознания — для тех,

кто устал быть рабом будильника и ищет способ вернуть себе право на собственное, субъективное время. "Мало найдется других показателей культуры, которые в такой же степени характеризовали бы ее сущность, как понимание времени." Так начинается одна из самых известных книг Арона Гуревича о средневековье. Историк писал эти строки полвека назад, но сегодня, они звучат почти пророчески. Только дело не в культуре — дело в нас самих. Время — одна из тех загадок, о которых мы перестали задумываться. Оно мыслится в качестве чистой длительности, необратимой последовательности протекания событий из прошлого через настоящее в будущее. Время и пространство объективны, их качества независимы от наполняющей их материи. Так принято считать. Так учат в школе. Так пишут в учебниках физики. Но есть психология восприятия. Принято считать, что категории времени и пространства — лишь объективные «формы существования материи». Но мы видим: время не объективно. Оно не только существует вовне, но и субъективно переживается внутри. Оно разное. Человек не рождается с «чувством времени». Его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит. Для промышленно развитого общества характерно сознательное отношение ко времени. Современный человек легко оперирует понятиями времени, без особых затруднений осознавая самое отдаленное прошлое. Но никогда раньше время не ценилось столь высоко, как ныне. Никогда

оно не занимало такого места в сознании человека. Современный человек — «торопящийся человек», его сознание определяется отношением к времени. Мы понимаем: время есть, и жизнь конечна. И мы не хотим, чтобы оно субъективно бежало так быстро, когда нам хорошо. И хотим ускорить его, когда нам плохо. И мы бы хотели поставить время на паузу. Просто остановить его. Хотя бы на час. Но такой возможности нет. А если бы и была — чем тогда платить? Ведь есть закон сохранения энергии. И он объективен. Время порабощает человека, вся его жизнь разворачивается *sub specie temporis* суб спЭции тЭмпорис — под знаком времени. Сложился своего рода «культ времени». Самое соперничество между социальными системами понимается теперь как соревнование во времени: кто выигрывает в темпах развития, на кого «работает» время? Зачем секундная стрелка? Зачем эта навязчивая необходимость делить жизнь на миллисекунды?

Сегодня культура бессознательно ищет выход из тирании линейного времени:

Медленные практики (*slow food*, *slow reading*, ретриты молчания) — это интуитивное сопротивление точечному времени.

Популярность генеалогии, архивов, «разговоров с предками» — форма восстановления вертикали времени, а не его линии.

Интерес к средневековым текстам, мифу, эпосу — не академическая мода, а экзистенциальный запрос: вернуть вре-

мя, которое не утекает сквозь пальцы.

Часть первая. Там, где время было урожаем

«Мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией, — пишет Дж. Уитроу, — что при своем первом сознательном осмыслении времени человек инстинктивно пытался превзойти или устранить время».

Установка на уничтожение текучего времени путем возвращения к мифическому прототипу, к изначальному *illud tempus* была не чем иным, как попыткой преодоления смерти. Попыткой умножить счастье.

Вслушаемся в слова Гуревича:

«Мифом о регенерации времени архаическая культура давала человеку возможность победить быстротечность и однократность его жизни. Не отчленяя себя ни в мыслях, ни в поведении от родового социального тела, человек обманывал смерть. В этой системе сознания прошедшее, настоящее и будущее расположены как бы в одной плоскости, в известном смысле «одновременны». Время переживается так же, как и пространство, — оно «спатIALIZED», настоящее не выделено из основного массива времен, образуемого минувшим и грядущим. Древний человек видел и прошедшее, и настоящее время простирающимся вокруг себя, взаимно проникающим и объясняющим одно другое».

Но эта цитата вызывает у меня возражение. Как так могло быть? Это очень высокое сознание. Такое восприятие — почти святое. Они что, все были просветленными?

И главное: как этому научиться? Не уезжая из города, не меняя свою жизнь, а просто меняя сознание?

Вот, возможно, одно из объяснений. Представьте себе человека из первобытного племени. Для него время — это не стрелка на часах. Не цифра в календаре. Время — это живая сила. Могущественная и таинственная. Она управляет всем: вещами, людьми, даже богами.

Время может быть добрым. Или злым. Благоприятным — для охоты, для посева, для любви. Или опасным, враждебным. Время имеет характер. Время имеет настроение.

Существовало особое — сакральное — время. Время праздников. Время жертвоприношений. Время, когда человек через ритуал возвращался к самому началу — к тому моменту, когда боги создали мир. И точно так же существовало сакральное пространство — священные места, где особые силы правили всем.

А у нас? У нас иначе.

Мы привыкли к линейному времени. Прошлое. Настоящее. Будущее. Прямая линия, которая идет в одну сторону — и никогда не возвращается назад. Это удобно. Да, мы знаем, как состыковаться друг с другом: встреча в три часа, дедлайн в пятницу, поезд в восемь утра.

Но есть побочный эффект. Время стало безликим. Ней-

тральным. Лишенным качества. Час на заводе и час на прогулке — это одно и то же время. Нет доброго времени. Нет злого времени. Есть только эффективное и неэффективное.

Человек хотел устранить время. Обмануть его. Вернуться назад — в то состояние, когда прошлое, настоящее и будущее не были разделены непреодолимой гранью. Когда смерть можно было обмануть. Это была попытка вернуться в рай?

Но как смириться с необратимостью здесь и сейчас? Как женщине принять, что ее репродуктивное время подходит к концу? Ей 49, 50 лет. А она хочет ребенка. Линейное время не знает пощады. Оно не возвращается. Оно не циклично. Оно не сакрально. Оно просто уходит.

Нам кажется: время необратимо. Это естественно. Это само собой разумеется. Без этого вообще нельзя помыслить время.

Но это не так.

Это всего лишь наш взгляд. Взгляд людей современной цивилизации. Взгляд, который исторически обусловлен — а значит, ограничен.

Линейное время — это всего лишь одна из возможных форм социального времени. И, возможно, не самая счастливая.

Часть вторая. Язык, который помнит

Что было до линейного времени? До того, как секундная стрелка разделила жизнь на миллисекунды? До того, как механические часы украли у человека его собственное время? Обратимся к языку. Язык помнит то, что забыла история. У древних германцев и скандинавов год — да и само время — не был пустой длительностью. Не абстрактной последовательностью дней. Год был заполненностью конкретным содержанием, всякий раз специфическим, определённым. Английское *year*, немецкое *Jahr*, древнескандинавское *ár* значили «урожай». Некий цикл. И год может быть разным, как разным бывает урожай. В благоприятных условиях можно и несколько урожаев собрать за один год. Вот ключ, который может помочь найти понимание и ощущение. Время — это не пустая форма. Время — это содержание. Время — это то, что случается. Время морального упадка. Вслушайтесь в слова из «Прорицания вёльвы» — одной из древнейших поэм «Старшей Эдды». Вёльва, прорицательница, описывает грядущий конец света — Рагнарёк: > Братья начнут друг на друга поднимать руки,> родители близкие родство осквернят.> Тяжко в мире, великий разврат,> век секир, век мечей — щиты расколоты —> век бурь,

век волков, прежде чем мир рухнет. Вре́мя морального упадка характеризуется терминами *sceggiold* («век секир»), *scalmold* («век мечей»), *vindold* («век буре́») и *vargold* («век волков»). Обратите внимание: это не просто хронология. Это качественная характеристика времени. Вре́мя имеет характер. Вре́мя имеет настроение. Но слово *old* в песнях «Старшей Эдды» имеет и другое значение — «человеческий мир», «люди». В том же «Прорицании вёльвы» перечень карликов завершается словами: >Перечень этот вечно пребудет,> пока люди живы — *medan old lifir*. Точно так же в «Речах Высоких» (*Hávamál*), в «Гренландских речах Атли» и в других эддических песнях термин *old* означает «люди». Вероятна связь слова *old* (англ. *old*, нем. *alt*) с латинским *ala* (*alere*) — «вскармливать», «рожать». Вслушайтесь в это: время — это то, что вскармливает, рождает. Вре́мя — это жизнь. Мир как век людей. Этимология слова «мир» — *verold* (англ. *world*, от др.-англ. *weoruld*) — происходит от *verr* (человек) и *old*. Мир — это «век людей». Понятия времени и жизни слиты здесь воедино. В «Речах Гримнира» (*Grímnismál*) из «Старшей Эдды» Один, принявший облик старца, говорит: > Фиггьельнир зовутся скалы,> где люди суд вершат,> а время там течёт иначе,> чем в мире людей. Ведь ранее, у первобытных людей, и в эпохи до людей время было другим. Они боролись по-своему, для нас это дико. Но главное: время — не пустая форма, оно имеет своё качество, каждый раз конкретное. Доброе и дур-

ное время
Время правления одного норвежского короля — доброе: тогда в стране хорошие урожаи, царит мир, плодятся скот, ловится рыба. Время правления другого государя — дурное: в стране неурядицы, голод и неурожай. В «Саге об Инглингах» (Ynglinga saga) Снорри Стурлусон пишет о конунге Фроди Мирном: В те времена были такие урожаи, что люди называли это временем Фроди. Зерно росло даже на скалах. Не было ни войн, ни разбоев. Конунг Фроди был так мудр, что знал язык птиц и понимал речь зверей. Он умел утишать бури и умирять моря. Для того чтобы были приплод и урожай, нужно приносить жертвы богам и производить возлияния в их честь на пирах. По легенде, параллели которой можно найти у многих народов, древние свеи в период, когда время было недобрым для них, принесли в жертву своего вождя — конунга Ауне. Попытка воздействовать на время
Вот ещё как справлялись: пытались воздействовать на время. Рассказ Снорри о конунге Ауне, который продлевал себе жизнь, принося в жертву Одину своих сыновей, — каждая жертва давала ему десять дополнительных лет жизни. В «Саге об Инглингах» Снорри пишет: Конунг Ауне правил долго. Когда ему исполнилось шестьдесят лет, он принёс в жертву Одину своего старшего сына и получил от бога ещё десять лет жизни. Когда ему исполнилось семьдесят, он принёс в жертву второго сына — и снова получил десять лет. Так он жил до ста лет, принеся в жертву девять своих сыновей. Лишь десятого, последнего, он не решился принести —

и с тех пор лежал на постели, не в силах подняться. Это не просто жестокость. Это попытка договориться со временем. Попытка купить у него ещё немного жизни. Богиня Идунн хранила в сосуде яблоки, и когда асы старели, они откусывали от них кусок и тотчас же молодели, «и так будет до конца света». В «Младшей Эдде» (Skáldskaparmál) Снорри рассказывает, как великан Тьяци похитил Идунн, и асы тотчас начали стареть — пока не вернули богиню и её яблоки. Время можно было украсть. Время можно было вернуть. Время можно было продлить. Эпическое время Эпическое время в силу того, что оно отделено от времени воспроизведения эпоса непреодолимой дистанцией, обладает специфическими качественными характеристиками: «во время оно» были возможны такие деяния, которые ныне уже немыслимы и недопустимы. Там были и жестокости, и самоубийства, и кровосмешения. В «Саге о Вёльсунгах» (Völsunga saga) Сигурд убивает дракона Фафнира, а затем, испёкши его сердце и попробовав его кровь, начинает понимать язык птиц. Птицы советуют ему убить кузнеца Регина, который научил его убить дракона. Сигурд так и делает. Это время, когда герои совершали невозможное. Но есть ведь потребность проживать это — через сказания, миф, традицию. Руны и магия Все конунги и их дети владели рунами, магией. Королева это умела и учила и дочерей, и сыновей. В «Речах Высоких» (Hávamál) Один говорит о рунах: Знаю, что один я висел на ветру качающемся дереве девять долгих ночей, прон-

зённый копьём, посвящённый Одину, сам себе принесённый в жертву. Никто не знает, от каких корней растёт это дерево. Никто не давал мне хлеба, никто не давал мне рога. Вниз я глядел, руны я поднял, с криком поднял, и снова упал. В генеалогиях, родовых сказаниях, сагах посредством перечисления предков выясняли не общую хронологию народа, племени, государства. Вот что было правдой: предок мог вновь как бы родиться в одном из своих потомков — в пределах рода передавались имена, а вместе с ними и внутренние качества их носителей. Прошлое возобновлялось. В «Саге о людях с Песчаной Береговой Дюны» (Eyrbyggja saga) рассказывается, как после смерти Торольфа Показного его дух вселился в быка, а затем — в одного из потомков. Предок буквально возвращался в потомке. Возможность оказывать воздействие на ход времени — не только настоящего, но и будущего. В известном смысле для варвара существует только настоящее время, но это очень ёмкое и широкое настоящее, не сводящееся к моменту. Оно включает в себя и прошедшее, и будущее и не отделено от них сколько-нибудь резкой гранью. В «Речах Высоких» Один говорит: Знаю я двенадцать рун, и знаю двенадцать имён рун, и знаю двенадцать путей их применения. Одна из них помогает в беде, другая — в болезни, третья — в битве, четвёртая — в оковах. Время не было судьбой. Время было инструментом. Время можно было изменить. И, возможно, именно это мы потеряли, когда время стало линейным. Когда оно стало стрелкой. Когда оно стало

тиранией.

Часть третья. Как они считали время

Как мы могли убедиться, время для варвара всегда конкретно и связано с жизнью. Оно не абстрактно. Оно не оторвано от тела, от земли, от неба. У него нет отдельного существования — как нет отдельного существования у дыхания или у сердцебиения.

Нет приборов для определения времени суток. И в них нет нужды. Вполне достаточно знать положение солнца в небе — или запах травы, или крик птицы, или тень от копья, воткнутого в землю.

Солнце как часы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.